

ТАК БЫЛО четыре вечера подряд. В полумиле высшего мы занимали свои места в прекрасном зале Орского драматического театра имени Пушкина, чтобы с нестрогими зрительской нетерпением ждать, когда растает южский свет души и зашевелится чужой труд, зашумит, наконец, порой мучительно ноющая, большого коллектива и что позволит тебе радостно прожить вечер в мире больших мыслей и высоких чувств, обогащающих и оживляющих душу, — то, что коротко зовется спектаклем.

Мы — это кубовые спектакли в Оренбурге Владимир Молько, московский критик К. Берзин, консультант Всесоюзного театрального общества А. Н. Жукова, актриса областного театра драмы имени Горького Г. В. Монашенина и я.

Хотели начать с краткого отчета. **ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ** «Дело Артамоновых» Давиды интересен спектакль В. Молько: он автор инсценировки горьковского романа, поставленного театром. Нетерпеливо развешивается действие. В чем-то споря, с чем-то соглашаясь, узнаем дрейф патриархального Дремова, непорочности Артамоновых, привычки заговаривать не его — семью жизнь. В общем, обмолвемся в театре. Но вот наступит минута, когда театру уже нет: рама больше не разделяет нас, мы вместе с героями бьемся над сложностями жизни, пытаемся разгадать ее неясные загадки. Идет трудный разговор Никиты и Петра Артамоновых в монастырской келье. И чудится, что сама эта келья с пыльными стенами и узкими ставнями распахнулась перед нами, как старая душа. Никита — арт. В. Трущенко как будто даже нехотя роирует свои горькие слова о нечистой жизни, убивающей в человеке живую душу, о боге, в которого больше не верят, о предельной чуждости утешительной жи. А за ними мы видим бешеные ночи, которые выстраляли эти мысли. И оттого, что говорит Никита спокойно, не возмущаясь и негодую, они становятся еще страшнее, а жизнь его — беспрерывнее.

С той же мерой правды — жизненной и сценической — идет театр арт. А. Хвостин. Будто вся жизнь молнии ослепила и испарившую его жизнь, испугав бесмысленности и жестокости преступлений. И здесь является горьковский Петр Артамонов с его жаждой войны и неумением думать, с его способностью чувствовать и дремлющей невоспитанностью его души. На минуту пробуждается совесть и неужело, как медведь в берлоге, заропоталась в нем, чтобы в следующую — остро контрастной — сцене кануть в пыльный омут Нижегородской ярмарки.

Пусть не везло, но в некоторых сценах театр поднялся до горьковской высоты. А это добро. **ВЕЧЕР ВТОРОЙ** «Хитроузнава влюбленная»

Лоле де Веге. Теперь мы не новички в театре и поэтому начинаем вечер с того, что отыскались в программе имена заинтересовавших вчера актеров. Ага, В. Трущенко мы снова увидим. Он играет Эрнандо, разбитого саузу Луисидо, Роль совершено много павла убеждает актер владеет не только тонким психологизмом, умением мыслить на сцене, но и драгоценным даром перевоплощения, он чувствует жанр. Достаточно ска-

перал в самое его сокровенные минуты: он пришел на брачную могилу для себя, это нужно ему, но это нужно и нам. В гордой скорби у обелиска павшим мы — вместе.

ВЕЧЕР ЧЕТВЕРТЫЙ «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони. А сегодня мы уносим на театр искристо-розовые настроения, без которого тоже нельзя, без которого не полна будет жизнь. Пейнтливое дукаство, язвительный и острый же-

ме. И вот театр в городе есть, в города в театре нет.

Почему? В таких случаях стало привычным винить прежде всего театр. А если отвести привычку один из театр виноват? Его доля вина, безусловно, есть. В том, что плохо водворились к нам, но в расхожий «раме» нового здания жакло выглядят нестранные за годы скитаний

ТЕАТР В ГОРОДЕ И ГОРОД В ТЕАТРЕ

звать, что на чисто «проходную» реликвию в сцене мнимого женителства «Модуль» зал отсветил англодемократии. Как же надо было ее осветить! Надо заметить, спектакль этот — на перекопачен, т. е. прошлогоднего репертуара, а это значит впад новых исполнителей, переделки и перестройки. В результате строгий критический взгляд без особого труда обнаружит в нем немало нежестокости: неуважно, но различительно, музыкальные формальные, не по всем выдержан линеарноправильный уже в программе иронический взгляд создателей спектакля на ирреданты старинных глубочайше. Но даже и здесь редуют многие актерские работы — изящество, легкая лукавность и обаяние Феникса (арт. В. Дирюшина), темпераментность коварной Герарды (арт. Т. Пахтусова) и другие.

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ «Платья сердца» А. Корнейчука. Он запомнился прежде всего сценой у обелиска, сценой, в которую удалось вдохнуть живое чувство не каждому театру. Орчане снова сумели «сбавить ритму» чувство, в котором и свет и горечь, властно захватывает нас с перемехе минута! Потому ли, что сами намчат парадная о героях войны дышит в сильной и нежной лесе «Степом, степом», потому ли, что так высоко над городом взметнулись серебряннаты стрела обелиска, потому ли, что так по-домашнему просто стоят у братской обелиска сплнк фронтовых друзей боевой репортёр (арт. Э. Гельман) — да разве стоит доискиваться причины, почему вдруг сжалось сердце и к глазам подступили слезы? Да, это правда, то самой золотой пробы, которой не добьешься ни театальной помпозностью, ни чем иным, в только неосладевшим волнением и гудя-боком живым чувством создателей спектакля. Не искутаны душевного неудобства, мы видим ге-

ский ум, сиевольный характер, очаровательная черемичиствость кокетки — это Миррадиолана в исполнении арт. М. Бойко. У нее отличный партнёр — арт. Л. Раткев, актер Ринальдратта. Посмотрите, как непринужден он для женского коварства, как холоден и как он горд своей неприступностью и холодностью! Но это только начало. Теперь посмотрите, как зачарованный, он сам помогает Миррадиолане заткнуть ловко брошенное ей лассо. И сколько шлепа и страсти, сколько gioia обнаруживается в общении! Ринальдратта, как трогательно смехом и в своей детски непосредственной ярости! И два других незадачных любовника — сержант, притруженный пылью фамильных гербов маркиз Фортиньясо (арт. В. Жуков), символвольный (в своей сатире тупости граф Альфонсо (арт. В. Матковский) — вытывают свою нить в южский рисунок спектакля.

И ТАК, четыре вечера в театре имени Пушкина. Они были разными — сорезными и всескими, они заставляли нас трудиться думать и дарили светлой, детской радостью. За тем мы, зрители, и шли в театр. Но нас было не так много, как хотелось бы... Да, случалось, что зрительный зал был наполовину пуст. Оказываясь взглядом незаметные кресла, нельзя было не вспомнить десятки тысяч с асестками подлесей, которые релакционила почта приносил на Орск в те неладные времена, когда новое здание театра стояло еще в строительных лесах. Наши корреспонденты негодовали по поводу затянувшихся сроков строительства, требовали театра — сейчас, немедленно! Можно было подумать, что, получив его, они уже и не подумают провести свободный вечер где-то кро-

по городам и весям декорации и костюмы. В том, что не сумел заранее подготовить таких необходимых в театре специалистов, как ассистент-декорации, машинисты сцены. В том, наконец, что не хранили в своем составе творчески интересных людей (назовем хотя бы отличного художника В. Копалана, и теперь еще широк не замещенного).

В чем-то театр «без вины виноват»: растеряв часть артистов, став труднодоступным для них и кошельку по многоэтажному клубам и Дома культуры. Какую-то часть потенциальных театралов все еще ценно держит в своих мерцающих сетях голубой экран — в Орске только что появилась московская телепрограмма. Кстати, это должно заботить администраторов, составлять их программами спектакли театра и рабочих коллективов, учебных заведений. Сейчас же их подзащитные дело можно заставить «дом».

Разумеется, лучшая агитация за театр — его спектакли. Краткими впечатлениями четырех вечеров мы и хотели доказать, что театр притягивает и вселивает не без оснований. Вспомните репертуар орчан: он «выявляет» к нам как советской драматургии — «Мария Славянского», «Платья сердца» Корнейчука, «Сказки старого Арбата» Арбузова (на днях состоялся премьер). В нужных иронических сопоставлениях с ними произведений русской и зарубежной классики. Сегодня можно без снисходно на прелестную периферию говорить о серьезной, научившей режиссуре (главный режиссер А. П. Бокон, он же постановщик «Дела Артамоновых», «Платья сердца»), способной поднять проблематику одного из сложнейших творений Горького и доказавшей хороший вкус, тонкое чувство жанра в сценическом воплощении

Гольдони. Здесь отсутствует «игра на зрителя» в худшем смысле этого слова: театр не позволяет себе выпарывать аплодисменты похвалитным приемом, думасмысленной измисленкой, актерским изжином, излишним комиканством. Здесь, наконец, пошло интересных актеров. Мы еще помним умного, полвекого Деброяна-Морласа, хороши последние, юморно противонастоящие роли М. Бойко — бытовая, очень достоверная Ульяна Балмакова с ее неожиданно поэтической любовью к Лале Артамонову и скарлатиной Миррадиолана. О некоторых мы уже говорили сегодня, о других еще расскажем — нашим читателям. Таким образом, театр в силах агитировать в себя своими спектаклями. Но для этого их нужно, как мы знаем, увидеть.

Театр гостеприимен: на каждую премьеру он посылает привлекательные билеты в городские организации, руководителям и артистам работников крупнейших промышленных предприятий. И какую же невольность за котлов городом немыслимо здесь, замечая знующую пустоту предвещенного гостем рада! Конечно, быть можно идеальным работником и приносить огромные возможности театру, как это делают художественного воспитания людей, — возможно ли это? Не это ли пустой ряд для приглашения, продолжающих потом в необитаемых островках, заброшенных в зрительном зале?

Четыре вечера подряд после спектакля творческой коллектив вместе с нашей группой активно задерживались в театре, чтобы поблагодарить наших спектакли, поговорить о том, что слышно и что предстоит еще сделать. Речь шла не только о сегодняшнем, но и завтрашнем дне театра. И на один из работников городского отдела культуры, — а они приглашались, — впервые за эти дни беседы не прожали.

А между тем театр, работный живая и интересная организация. Который зрительский коллектив рабочих коллективов, проведенные совместно с партийными и профсоюзными комитетами предприятия, творческие встречи в рабочих цехах ипериях преодолели бы инерцию равнодушия. Полнее и точнее о работе театра в его новых постановках можно бы интервьюировать у работников галерея «Орский драматический» и местные теледепне.

А театр в долгу не оставлен, он уже сегодня «платежеспособен». Убедился в этом петрудиш: покупайте билет, занимайте свое место в зрительном зале и ждите. Сейчас раздвинутся занавес...

Е. ПАВЛОВА,
спектор «Южного Урала».